

ТЕОРИИ ПОЛИТИКИ, ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

УДК 81'27:323.1

Н.В. БОРИСОВА, к.полит.н., доцент кафедры политических наук
ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский
университет», г. Пермь, ул. Букирева, 15
Электронный адрес: borisova_nv@psu.ru

ЯЗЫКОВОЙ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ РЕЖИМ: КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ¹

Проблема обеспечения территориальной целостности во фрагментированных в этнолингвистическом отношении обществах сопряжена в практическом смысле с поиском рецептов и действенных механизмов недопущения и/или разрешения конфликтов. Одним из таких решений является институционализация языковой преференциальной политики как элемента этнической территориальной автономии. Данная политика обеспечивает сохранение и воспроизводство титульного для автономии языка. Тот или иной вариант языковой преференциальной политики создает, вероятно, различные системы институциональных соглашений относительно использования языка в сообществе и определяемых ими образцов языкового поведения и взаимоотношений в сообществе. Для характеристики такого рода системы институциональных соглашений предлагается использовать понятие «языковой территориальный режим». Особенности последнего зависят от конфигурации таких факторов, как характер, содержание, предметы, арены приложения и эффекты реализации языковой политики, характеристики субъектов, структурные и контекстуальные особенности этнической территориальной автономии. В статье представлена логика выделения «сильных», «слабых», а также «промежуточных» (средних) по своей силе языковых территориальных режимов.

Ключевые слова: языковая преференциальная политика; этническая территориальная автономия; языковой территориальный режим

DOI: 10.17072/2218-9173-2016-3-5-16

Известный американский социолог Р. Брубейкер утверждает: «Публичная жизнь как таковая не может быть а-лингвальной» [9]. Он отмечает, что язык создает и поддерживает непосредственную среду публичного дискурса, коммуникаций и приватной сферы жизнедеятельности человека. В исследовательской литературе существуют три традиции понимания языка и его роли в жизни общества: 1) язык как инструмент общения; 2) язык как инструмент,

¹ Исследование выполнено в Пермском государственном национальном исследовательском университете за счет гранта Российского научного фонда: проект №15-18-00034 «Обеспечение баланса в межнациональных отношениях: региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств» (рук. П.В. Панов).

обеспечивающий доступ к определенной культуре [19]; 3) язык как ключевой элемент идентификации [12, р. 287]. Первые две можно условно обозначить как имеющие отношение к социолингвистике, которая понимает под языком постоянно изменяющуюся систему, выполняющую в обществе и культуре целый ряд функций (выражения, обозначения, познания, трансляции и коммуникации) [3].

В зависимости от того, какой методологической ориентации придерживается исследователь, формируется понимание третьей – идентификационной – роли (функции) языка в обществе. Сторонники примордиализма рассматривают язык как идентификатор этнической принадлежности его носителей и маркер ее границ. Они фактически настаивают на том, что язык предписан индивиду его происхождением и родственными связями. Д. Горовиц, соглашаясь с отдельными положениями примордиализма, указывает на то, что язык по сути является маркером этнической идентичности [14]. Такому пониманию роли языка примордиализмом противостоит конструктивистский взгляд. Конструктивисты обвиняют примордиализм в «эссенциализации языка», рассматривая язык в инструменталистском ключе – как результат рационального выбора индивидов [2, с. 32]. Здесь уместно обратиться к идеям Р. Брубейкера, который, изучая социально-политическую роль религии и языка, пишет, что язык (равно как и религия) является более важным по сравнению с этничностью доменом в процессе первичной социализации и «хотя язык нередко представляется как примордиальный феномен, таковым на самом деле не является, будучи изменчивым во времени» в разных контекстуальных условиях [9, р. 3]. Вслед за Р. Брубейкером Н. Борманн, Л. Цедерман и М. Вогт отмечают более значимую по сравнению с религией роль языка в разрывании этнических конфликтов. Они обращают внимание, что языковые различия лучше (проще) осознаются индивидом, чем религиозные, особенно в случаях, если этническая идентичность основывается на лингвистической [8, р. 5].

А. Карла справедливо указывает на то, что язык как таковой не является предзаданным элементом развития идентичности индивидов. «Она формируется через практики и системы взаимодействия индивида и государства, личности и власти» [12, р. 287]. Речь в данном случае идет об инструментальной коммуникативной роли языка, посредством которой он становится политически значимым. Язык оказывается значимым как в инструментальном, так и символическом отношениях. Э. Лиу, ссылаясь на А. де Токвилля, отмечает, что политическая роль языка проявляется и в том, что он – [фактически] источник национального единства и инструмент для конструирования политического сообщества [17]. Сходной точки зрения придерживается и Сью Райт, которая считает, что язык является условием и одновременно элементом появления и развития национальных государств [22].

В рецензии на книгу «Традиции государства и языковые режимы», изданной под редакцией Л. Кардинал и С.К. Зоннтаг [11], Ю. Кубота пишет: «Язык есть политический феномен <...>, поскольку язык является предметом политического спора» [15]. В связи с этим, было бы ошибочным полагать, что сам язык, фрагментируя общество, может быть тем самым угрозой территориальной

целостности государства. Фрагментируя сообщество, стимулирует конфликт не собственно язык, а его политико-институциональный статус, являющийся результатом реализации языковой политики и имплементации конкретных публично-правовых решений относительно языка. Именно такой взгляд на феномен языка и связанные с ним политические курсы дает возможность обсуждать его политическое измерение.

Проблема обеспечения территориальной целостности во фрагментированных в этнолингвистическом отношении обществах сопряжена в практическом смысле с поиском рецептов и действенных механизмов недопущения и/или разрешения конфликтов. Помимо таких механизмов, как «power-sharing», широко распространена институционализация преференциальных политик (policies), направленных на защиту культуры и обеспечение особых прав этнических меньшинств. Подобные механизмы и политики являются составляющими элементами этнической территориальной автономии (далее – ЭТА) как институционального решения проблемы сохранения территориальной целостности государства и обеспечения прав этнических меньшинств. Преференциальная политика обеспечивает гарантии и учитывает предпочтения как ЭТА в целом, так и отдельных титульных и нетитульных этнических групп внутри нее. Объектом преференциальной политики выступает широкий спектр вопросов, центральное и нередко символическое место среди которых занимают преференции, связанные с такими базовыми основаниями выделения и спецификации ЭТА, как этничность, язык, религия. Американский политолог Э. Лиу, ссылаясь на Д. Горовица и П. Бурдые, отмечает, что признание языка означает наделение правами [на самобытность] его носителей [17, р. 12].

Под языковой политикой понимается политика (как система мер и действий), направленная на развитие языка, стимулирование или сдерживание контактов и конкуренции между языками в сообществе. Иными словами, языковая политика – это политика, которая имеет языковые эффекты. Языковая политика является преференциальной, если обеспечивает сохранение и воспроизводство титульного для ЭТА языка, а также (в некоторых случаях) миноритарных языков, носители которых относятся к нетитульным этническим группам внутри ЭТА. К. Уильямс выделяет три фактора, обуславливающих объем, содержание и период осуществления языковой преференциальной политики:

- 1) политический контекст определения, реализации и коррекции языковых стратегий (политических курсов);
- 2) отношения между политиками, чиновниками и группами интересов;
- 3) роль законодательных реформ, судебной практики в контексте защиты или модификации языковых стратегий [21, р. 102].

Преференции в сфере языка (в т.ч. наделение его официальным статусом) могут быть институционализированы и гарантированы как национальной конституцией, специальным национальным законом, так и субнациональными (региональными) или локальными нормативно-правовыми актами.

Институционализация права на язык обеспечивает выживание и воспроизводство его носителей и образуемых ими этнолингвистических сообществ. Вместе с тем следует особо подчеркнуть, что воспроизводство

этнолингвистического сообщества (группы, меньшинства) требует такой конфигурации и направленности языковой преференциальной политики, которая не только обеспечивает реализацию права меньшинства на изучение языка и использование его в частной жизни, но и 1) организует комплексное школьное образование на языке меньшинства, который таким образом становится средством обучения [9, р. 8], и 2) делает язык средством коммуникации в публично-правой сфере и практиках администрирования. Иными словами, происходит смена модуса языка с культурного на публичный. Здесь уместным будет привести пример каталанского языка, который до реформы 1982 г., преимущественно во франкистский период, хотя и был широко распространен в частном, бытовом общении в Каталонии, особенно в ее аграрных территориях, но не имел официального статуса, не был введен в программы школьного обучения. «Каталанцы говорили, общались, но не умели грамотно писать на родном [каталанском] языке»². Такое положение языка, отмечают эксперты, предопределило программу стандартизации (нормализации) каталанского языка, осуществленную последовательно в 1980–1990-е гг. Языковая политика в Каталонии, реализованная под лозунгом «Вернем каталанский»³, не только стандартизировала язык⁴, но и серьезным образом изменила языковую ситуацию в регионе.

Под языковой ситуацией, как правило, понимается «состояние языков в государстве в их территориально-социальном взаимоотношении в пределах целого государства или административно-территориальных регионов, или административно-политических образований» [5, с. 6–7]. Понятие «языковая ситуация» чаще всего используется в социолингвистике и отражает не только нормативный и публичный статус языка, но и указывает на его «жизнеспособность» с точки зрения его количественных (идиоматических) показателей [1]. Однако для описания политических результатов и эффектов институционализации преференций для этнической группы в сфере языка это понятие в полной мере не подходит. Более адекватным представляется использование понятия языкового территориального режима (далее – ЯТР) как элемента ЭТА, формируемого (устанавливаемого) в результате институционализации языковой преференциальной политики.

В исследовательской литературе относительно распространенным является понятие «языковой режим» (language regime) [6; 10; 17; 20]. Вместе с тем консенсус относительно его определения отсутствует. Как правило, исследователи связывают языковой режим с практикой функционирования политических институтов и процедур в политике. Понятие «языковой территориальный режим» является еще менее определенным. Так, Р. Брубейкер, используя его в одной из своих работ для характеристики сложившейся в Квебеке практики реализации языковой политики [9, р. 9], не дает ему определения. Определение этого понятия требует обращения к типологии языковых режимов, предложенной Э. Лиу. Она наряду с иными типами языковых режимов

² Интервью № 1. 26.10.2016. Барселона, Испания // Из лич. арх. автора.

³ “Bring back Catalan” // Интервью № 1. 26.10.2016...

⁴ Процедуры и процессы стандартизации языка являются неотъемлемым элементом как процесса национального строительства государства, так и процесса автономизации регионов в составе лингвистически гетерогенных государств [1].

выделяет “*power-sharing*” языковой режим, который характеризуется правовым признанием нескольких языков равнозначными вне зависимости от того, является ли группа–носитель языка миноритарной или же доминирующей в этнической структуре сообщества [17, р. 15]. Иными словами, институционализация этого типа режима увязана с формированием политических институтов “*power-sharing*”, являющихся в свою очередь основополагающим элементом ЭТА. Таким образом, ЯТР представляет собой систему специальных институциональных соглашений по вопросам использования языка, которые устанавливают образцы взаимодействия между членами регионального (территориального) сообщества [7].

Л. Кардинал указывает на то, что «формируемый в контексте властных отношений, политики перераспределения и установления гегемонии языковой режим имеет три измерения: функциональное, символическое и политико-правовое» [10, р. 4]. Первое измерение (функциональное) касается языкового планирования, под которым, как правило, понимают собственно реализацию языковой политики [1]. Различают два вида языкового планирования: планирование относительно корпуса языка (*corpus language planning*) и планирование относительно статуса языка (*status language planning*) [13, р. 5]. Решения, касающиеся норм и правил используемого сообществом языка, составляют планирование относительно корпуса языка. Эти решения чаще всего связаны с грамматикой и лексикой языка и редко имеют сколь угодно политическое значение. Вместе с тем именно к таким решениям следует относить реформы языка, включающие, например, смену алфавита или разрешение параллельного использования в письменной речи двух и более алфавитов. Показательными в этом плане оказываются как примеры замены арабской вязи в конце 1920-х гг. на латиницу в Турции или переход Молдавии с кириллицы на латиницу при сохранении кириллического скрипта в Приднестровье после развала СССР, так и неудавшиеся попытки латинизации алфавита в Чечне и Татарстане в 1990-е гг. в период децентрализации в России и максимального ослабления федерального центра. Последние два случая, полагаем, следует рассматривать не столько как функциональное измерение языковой политики, сколько как символическое воплощение требований регионализма и сецессии, безусловно сопряженные с разрешением проблемы сохранения территориальной целостности государства.

Планирование относительно статуса языка включает решения, касающиеся политико-правового положения языка, а также организации системы его преподавания и изучения. Здесь уместным будет привести пример энтитетов Боснии и Герцеговины (Республики Сербской и Федерации Боснии и Герцеговины), где сложившаяся с сербским, хорватским и бошняцким языками ситуация является одним из маркеров крайне конфликтных этнических отношений, подтверждая тезис о том, что Босния и Герцеговина (БиГ) как национальное государство в его нынешней конструкции является крайне неустойчивым, «странным государством», суверенитет которого «размывается сразу на двух уровнях», поскольку высокий уровень фракционализации и институционально оформленной сегментации системы управления страной разрушают внутренний государственный суверенитет [4]. Дейтонские мирные соглашения 1995 г. подорвали единство политики в области образования,

не сформировав единых образовательных целей, не определив общих ценностей, основанных на позитивном отношении к своей стране и патриотических чувствах [18], и обусловили институционализацию сегрегированной системы школьного образования в БиГ. В Республике Сербской обучение ведется исключительно на сербском языке, в то время как в Федерации Боснии и Герцеговины была установлена двойная (разделенная) система образования. В пяти бошняцких кантонах образование осуществляется на бошняцком языке; в трех хорватских жупаниях – на хорватском. А в смешанных кантонах создана особая образовательная система, воплощением которой стал феномен «двух школ под одной крышей». Такие школы имеют разные входы для детей из бошняцких, сербских или хорватских семей; школьный двор разделен на две части. Решения в отношении языка, подобные реализованным в БиГ, являются политически релевантными, поскольку составляют одновременно содержание, предмет языковой политики, а также имеют, безусловно, политические последствия с точки зрения функционирования политики.

«Символическое измерение языкового режима, – считает Л. Кардинал, – проявляется в свойственных ему репрезентациях и символах, в то время как политико-правовое – в институционализированных правилах, требованиях и нормативном признании практик использования языка членами сообщества в различных сферах жизнедеятельности сообщества» [10, р. 4]. Примером политико-правового измерения языкового режима является случай швейцарской франкофонной Юры, которая в результате череды референдумов (в 1970-е гг.) и долгих согласований получила в 1994 г. статус кантона, выделившись из состава немецкоязычного Берна. Став кантоном, Юра, как и иные кантоны Швейцарии, получила право на монолингвизм – приоритетное использование во всех сферах жизнедеятельности сообщества кантона французского языка как одного из трех государственных языков страны. В настоящее время на улицах, в школах и храмах Юры (за исключением одного муниципалитета) крайне затруднительно встретить немецкоязычную речь. Закрепилось и нормализовано французское название ее столицы – Делемон, в то время как немецкое название упоминается в туристических справочниках много реже. Городское пространство Делемона преимущественно франкофонно: названия магазинов, улиц, административных зданий исключительно на французском языке. И лишь на стенах отдельных зданий в Делемоне сохранились таблички с историческими справками на немецком и французском языках, являющиеся своеобразными «осколками» наследия власти Берна.

Аналогичным является пример франкофонной Валле д'Аосты, где официальным региональным языком еще в 1909 г. был признан французский. Публично-правовое пространство Аосты, самой маленькой автономии Италии, является преимущественно франкофонным, о чем свидетельствуют и названия улиц⁵, и вывески магазинов, и указатели на зданиях учреждений органов публичной власти. К служащим, занятым в органах региональной (местной) власти, больницах и иных публичных учреждениях, обязательно предъявляется требование знать французский язык. Вместе с тем СМИ, а также публичные политики, партии являются италияязычными, да и сам французский

⁵ Лишь на части табличек само слово «улица» написано на двух языках, в то время как их названия исключительно на французском.

не является языком межличностной коммуникации в регионе⁶. На улицах Аосты в основном слышна итальянская речь, а в небольших деревушках распространён франко-провансальский язык патуа. Однако обучение на всех ступенях школы ведётся исключительно на французском языке, итальянский же изучается в качестве предмета. Вероятно, сохранение за французским языком официального статуса обусловлено как символическими мотивами защиты исторической памяти о длительной борьбе вальдастанцев за автономию, так и прагматическими стимулами обеспечения коммуникации с соседней Францией⁷. Пример Валле д'Аосты является прекрасным подтверждением тезиса Т. Агарина о соотношении символической и прагматической языковой политики [6, р. 366].

Символическое измерение языкового режима отсылает нас к мысли, что язык как идентификационный маркер имеет символический статус: пока язык жив, живо и сообщество. Здесь интересными оказываются идеи А. Карла о том, что символическая языковая политика нередко продуцирует как языковую сегрегацию [12, р. 292] (пример Федерации БиГ), так и формирование фактического монолингвизма внутри языкового сообщества. В последнем случае показательным является пример испанской Каталонии, где билингвальное региональное сообщество (признан государственным испанский (кастильский) язык и региональным – каталанский) имеет тенденцию к постепенному превращению в монолингвальное, что обусловлено фактически монолингвальной образовательной системой. Эксперты отмечают, что включение в образовательные программы начальной и средней школы 2–3 часов кастильского языка с точки зрения уровня грамотности населения Каталонии недостаточно⁸.

Приведенные выше примеры показывают, как тот или иной вариант языковой преференциальной политики создает, вероятно, различные системы институциональных соглашений относительно использования языка в сообществе и определяемых ими образцов языкового поведения и взаимоотношений в сообществе. Б. Ладо отмечает, что языковую политику можно характеризовать как набор не только административных регулятивных мер, но и ее «неявных форм, представленных в системе образования, мифах, пропаганде и языке публичного пространства» [16, р. 135]. Наиболее интересным представляется язык публичного пространства (язык улиц, торговых центров, школ, рынков, офисов), а также частных сфер жизни современного человека. Изучение этого пространства затруднено, поскольку сложно измерить реальный масштаб распространения языка, силу и глубину его укорененности в сообществе. Такое исследование потребует обязательного обращения к качественным методам сбора эмпирических данных, привлечения инструментария антропологического наблюдения.

Представляется, что не только характер языковой политики, ее субъектный состав, но также структурные и контекстуальные характеристики ЭТА⁹

⁶ Интервью № 1. 20.10.2016. Аоста. Италия // Из лич. арх. автора.

⁷ Эксперты в интервью отмечают, что жители Валле д'Аосты нередко обращаются, например, за медицинской помощью и другими публичными сервисами в городки соседней альпийской Франции.

⁸ Интервью № 1. 26.10.2016...

⁹ Исторические условия появления и институционализации ЭТА, ее социально-демографические и экономические характеристики.

обуславливают особенности ЯТР. Тип режима можно определить исходя из характеристики двух его измерений: *глубины* и *универсальности* регулирования вопросов использования языка на трех основных аренах общественных и межличностных взаимодействий: 1) образование, 2) управление, 3) масс-медиа и публичное коммуникативное пространство. Комбинация этих измерений позволяет установить разные по силе типы ЯТР.

Набор возможных решений относительно использования языка в политико-правовой сфере широк. Вероятны ситуации, когда язык титульной группы ЭТА имеет статус официального языка (равного), признанного национальной конституцией и региональным статутом; используется органами власти на всех уровнях, включая судопроизводство и охрану правопорядка (например, оба этнитета в БиГ или Квебек в Канаде). В других случаях язык титульной группы ЭТА имеет статус официального регионального языка и используется всеми органами власти, включая судопроизводство и охрану правопорядка (например, Каталония и Страна Басков в Испании). Или язык титульной группы ЭТА не имеет статуса официального регионального языка или имеет статус официального регионального языка, но используется только в делопроизводстве (например, Пенджаб в Индии).

Аналогична логика выделения и характеристики критериев для построения типологизации ЯТР и для сферы образования. Может быть институционально закреплено в качестве обязательного требования организации обучения на языке титульной группы ЭТА на всех ступенях образования и на всей территории автономии (Квебек в Канаде, Каталония в Испании). Или нормативно закреплены и практически реализуются одновременно несколько моделей билингвального обучения, в т.ч. и модель обучения на языке титульной группы ЭТА на начальной и средней ступенях обучения (Андхра Прадеш и Телангана в Индии, Воеводина в Сербии). Наконец, язык титульной группы ЭТА может преподаваться лишь факультативно на любой из ступеней обучения, но преимущественно в начальной школе (Пенджаб и Нагаланд в Индии).

Что касается такой арены общественных и межличностных взаимодействий, как масс-медиа и публичное коммуникативное пространство, то можно встретить случаи, когда региональное правительство финансирует медийное вещание на языке титульной группы ЭТА, определяя долю программ, выходящих на этом языке, а обязательное название и написание топонимов на языке титульной группы ЭТА нормативно закреплено региональным законодательством (например, Каталония в Испании). Региональное правительство в иных случаях определяет только долю программ, выходящих на языке титульной группы ЭТА, право названия и написания топонимов на языке титульной группы является опциональным (Валле д'Аоста). И, наконец, возможно отсутствие закрепленного за региональным правительством права регулирования языковых аспектов медийного вещания на территории ЭТА; нормативно закреплено в качестве опционального право вещания на языке ЭТА в качестве частной инициативы; требование и право названия и написания топонимов на языке титульной группы отсутствует (Сабах и Саравак в Малайзии).

Таким образом, конфигурация предложенных вариаций содержания, предметов, арен приложения и эффектов реализации языковой политики

позволяет выделить «сильные», «слабые» режимы, а также, вероятно, широкий спектр «промежуточных» (средних) по своей силе языковых территориальных режимов. При этом их сила может рассматриваться как маркер силы (политического веса) этнической территориальной автономии.

Список литературы

1. *Вахтин Н., Головки Е.* Социоллингвистика и социология языка: учеб. пособие. СПб.: Изд. центр «Гуманитарная Академия»; Изд-во Европейского университета в СПб, 2004. 336 с.
2. *Германова Н.* Искусственные языки воображаемых сообществ: проблема национальных языков в западной лингвистике // Вестник МГЛУ. 2009. № 557. С. 24–41.
3. *Кульжанова Г.* Язык политики как социоллингвистический феномен [Электронный ресурс]. URL: www.policy03.narod.ru/29.doc (дата обращения: 31.10.2016).
4. *Соколова Е.* Босния и Герцеговина: опыт несuverенной демократии // Неприкосновенный запас. 2007. № 6 (56). С. 145–155.
5. *Тихонова Р.* Языковая ситуация и языковая политика как понятия социоллингвистики. Самара: СГПУ, 2007.
6. *Agarin T.* Flawed Premises and Unexpected Consequences: Support of Regional Languages in Europe // Nationalism and Ethnic Politics. 2014. Vol. 20, № 3. P. 349–369.
7. *Borisova N., Sulimov K.* Linguistic Territorial Regimes in Multi-lingual Ethnic Territorial Autonomies [Manuscript. Non published].
8. *Bormann N.-C., Cederman L.-E., Vogt M.* Language, Religion and Civil War // Journal of Conflict Resolution. 2015. August. P. 1–28.
9. *Brubaker R.* Language, Religion and the Politics // Nations and Nationalism. 2013. Vol. 19, № 1. P. 1–20.
10. *Cardinal L.* Language Regimes in Canada and in Quebec: From Competition to Collaboration? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.recode.info/wp-content/uploads/2013/02/Cardinal-Linda-2012-RECODE.pdf> (дата обращения: 31.10.2016).
11. *Cardinal L., Sonntag S.* State Traditions and Language Regimes. Montreal & Kingston: McGill-Queen's University Press, 2015. 282 p.
12. *Carla A.* Living Apart in the Same Room: Analysis of the Management of Linguistic Diversity in Bolzano // Ethnopolitics. 2007. Vol. 6, № 2. P. 285–313.
13. *Gadellii K.* Language Planning: Theory and Practice. Evaluation of Language Planning Cases Worldwide [Электронный ресурс]. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0011/001184/118456e0.pdf> (дата обращения: 31.10.2016).
14. *Horowitz D.* Ethnic Group in Conflict. Berkley: University of California Press, 1985. 707 p.
15. *Kubota Y.* State Traditions and Language Regimes // Current Issues in Language Planning. 2016. June. P. 1–5.
16. *Lado B.* Linguistic Landscape as a Reflection of the linguistic and Ideological Conflict in the Valencian Community // International Journal of Multilingualism. 2011. Vol. 8, № 2. P. 135–150.

17. Liu A. *Standardizing Diversity: the Political Economy of Language Regimes* Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2015. 256 p.
18. Pašalić-Kreso A. The War and Post-War Impact on the Educational System of Bosnia and Herzegovina // *International Review of Education*. 2009. Vol. 55, № 1–2. P. 67–88.
19. Patten A. Political Theory and Language Policy // *Political Theory*. 2001. Vol. 29, № 5. P. 691–715.
20. Pool J. Language Regimes and Political Regimes // *Language Policy and Political Development* / ed. by B. Weinstein. Norwood, New Jersey: Ablex, 1990.
21. Williams C. Perfidious Hope: The Legislative Turn // *Regional and Federal Studies*. 2013. Vol. 23, № 1. P. 101–122.
22. Wright S. What is Language? A Response to Philippe van Parijs // *Critical Review of International Social and Political Philosophy*. 2015. Vol. 18, № 2. P. 113–130.

Статья получена 10.11.2016

References

1. Bahtin, N. and Golovko, E. (2004), *Sociolingvistika i sociologija jazyka* [Sociolinguistics and sociology of language], publishing center “Gumanitarnaja Akademija”, Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v SPb, St. Petersburg, Russia.
2. Germanova, N. (2009), “Constructed languages of imagined communities: the problem of national languages in the western linguistics”, *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, no. 557, pp. 24–41.
3. Kul'zhanova, G. (2001), “Language policy as a sociolinguistic phenomenon” [Online], available at: www.policy03.narod.ru/29.doc (Accessed 31 October 2016).
4. Sokolova, E. (2007), “Bosnia and Herzegovina: the experience of non-sovereign democracy”, *Neprikosnovennyj zapas*, no. 6, pp. 145–155.
5. Tihonova, R. (2007), *Jazykovaja situacija i jazykovaja politika kak ponjatija sociolingvistiki* [The language situation and language policy as the concepts of sociolinguistics], Izdatel'stvo Samarskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta, Samara, Russia.
6. Agarin, T. (2014), “Flawed premises and unexpected consequences: support of regional languages in Europe”, *Nationalism and Ethnic Politics*, vol. 20, no. 3, pp. 349–369.
7. Borisova, N. and Sulimov, K. (non published), *Linguistic territorial regimes in multi-lingual ethnic territorial autonomies*.
8. Bormann, N.-C., Cederman, L.-E. and Vogt, M. (2015), Language, religion and civil war, *Journal of Conflict Resolution*, August, pp. 1–28.
9. Brubaker, R. (2013), Language, religion and the politics, *Nations and Nationalism*, vol. 19, no. 1, p. 1–20.
10. Cardinal, L. (2012), *Language regimes in Canada and in Quebec: from competition to collaboration?* [Online], available at: <http://www.recode.info/wp-content/uploads/2013/02/Cardinal-Linda-2012-RECODE.pdf> (Accessed 31 October 2016).

11. Cardinal, L. and Sonntag, S.K. (2015), *State traditions and language regimes*, McGill-Queen's University Press, Montreal & Kingston, Canada.
12. Carla, A. (2007), "Living apart in the same room: analysis of the management of linguistic diversity in Bolzano", *Ethnopolitics*, vol. 6, no. 2, p. 285–313.
13. Gadelii, K.E. (1999), *Language planning: theory and practice. Evaluation of language planning cases worldwide* [Online], available at: <http://unesdoc.unesco.org/images/0011/001184/118456eo.pdf> (Accessed 31 October 2016).
14. Horowitz, D. (1985), *Ethnic Group in Conflict*, University of California Press, Berkley, USA.
15. Kubota, Y. (2016), "State traditions and language regimes", *Current Issues in Language Planning*, June, pp. 1–5.
16. Lado, B. (2011), "Linguistic landscape as a reflection of the linguistic and ideological conflict in the Valencian community", *International Journal of Multilingualism*, vol. 8, no. 2, pp. 135–150.
17. Liu, A. (2015), *Standardizing diversity: the political economy of language regimes*, University of Pennsylvania Press, Philadelphia, USA.
18. Pašalić-Kreso, A. (2009), "The war and post-war impact on the educational system of Bosnia and Herzegovina", *International Review of Education*, vol. 55, no. 1–2, pp. 67–88.
19. Patten, A. (2001), "Political theory and language policy", *Political Theory*, vol. 29, no. 5, p. 691–715.
20. Pool, J. (1990), "Language regimes and political regimes", in Weinstein, B. (ed.), *Language policy and political development*, Ablex, Norwood, New Jersey, USA, p. 241–261.
21. Williams, C. (2013), "Perfidious hope: the legislative turn", *Regional and Federal Studies*, vol. 23, no. 1, pp. 101–122.
22. Wright, S. (2015), "What is language? A response to Philippe van Parijs", *Critical Review of International Social and Political Philosophy*, vol. 18, no. 2, pp. 113–130.

Received 10 November 2016

THE CONCEPT OF LINGUISTIC TERRITORIAL REGIME

Nadezhda V. Borisova

Perm State University, 15 Bukirev str., Perm, 614990, Russia

E-mail: borisova_nv@psu.ru

Solving the problem of territorial integrity of ethnolinguistically-fragmented societies requires one to look for the effective mechanisms to prevent conflict resolution. Language preferential policy institutionalization being an element of ethnic territorial autonomy is one of these decisions. This policy preserves and reproduces titular language of ethnic territorial autonomy. Any given version of language preferential policy is likely to produce different systems of both institutional agreements towards titular language usage and language behavior patterns in ethnolinguistic community. The paper is devoted to the conceptualization of linguistic

territorial regime as a system of special institutional arrangements of linguistic issues, which are established to shape human interaction in the regions. The configuration of such structural and contextual factors as content, target, arenas and effects of language preferential policy implementation, specific features of its actors and agents, ethno-linguistic structure society determine the type of regime. The paper categorizes «strong», «weak» and «middle» regimes.

Key words: language preferential policy; ethnic territorial autonomy; linguistic territorial regime